

УДК 34.4414 ББК 67.9(4Рос)71

М.Е. Омеляненко
Арбитражный суд Приморского края
Владивосток. Россия

Участие населения в отправлении правосудия по Русской Правде

Данная статья посвящена исследованию норм Русской Правды, регулирующих участие населения в отправлении правосудия. Русская Правда принадлежит к числу крупнейших юридических произведений Средневековья, является древнейшим памятником славянского права, целиком основанным на обычаях и судебной практике восточных славян. На протяжении нескольких веков она служила основным руководством для рассмотрения дел. В том или ином виде Русская Правда вошла в состав или послужила одним из источников при разработке таких правовых актов, как Псковская Судная грамота, Двинская уставная грамота, Судебники 1497 и 1550 гг., и даже некоторых статей Соборного Уложения 1649 г. В статье изложены формы участия населения в отправлении правосудия. Данное исследование проведено с использованием общеметодологических принципов познания: объективность, системность, диалектическая противоречивость. При анализе текстов списков Русской Правды использовались методы герменевтики и формальной логики.

Ключевые слова и словосочетания: Русская Правда, суд 12 человек, видок, поручник, послух, круговая порука, дикая или повальная вира, заклич, гонение следа, свод.

M.E. Omelyanenko
Arbitration Court of Primorsky Region
Vladivostok. Russia

Participation of the population in the administration of justice in the Russian Truth

This article is devoted to the study of the norms of the Russian Truth that regulate the participation of the population in the administration of justice. Russian Truth belongs to the number of the largest legal works of the Middle Ages, it is the oldest monument of Slavic law, entirely based on the customs and jurisprudence of the Eastern Slavs. For several centuries it served as the main guide for dealing with cases. In one form or another, Russian Truth became part of, or served as one of the sources in the development of such legal acts as the Pskov Judicial Charter, the Dvinskaya Charter, the Code of Laws of 1497 and 1550, and even some articles of the Soborniy Ulozhenie of 1649 The article describes the forms of participation of the population in the administration of justice. This study was conducted using general methodological principles of cognition, such as: objectivity, systemic, dialectical counter-speech. When analyzing the texts of the lists of the Russian Truth, the methods of hermeneutics and formal logic were used.

Keywords: Russian Truth, court of 12 people, vidok, lieutenant, obedience, round robbery, wild or general vira, zalich, track persecution, arch.

Русская Правда является первым древнейшим письменным сводом законов, изданным на Руси [9], в основу которого легли указы князя и «сложившаяся к тому времени судебная практика» [22] формирующегося государства. Как полагает

Омеляненко Мария Евгеньевна – помощник судьи Арбитражного суда Приморского края; e-mail: mariyaomelyanenko@yandex.ru.

И.В. Петров, Русская Правда «явилась конечным кодифицированным результатом эволюции Древнерусского права», прошедшего несколько этапов в своем развитии [17]. Принятие Русской Правды привело к тому, что сложившиеся традиции, обычаи перешли в категорию закона, тем самым обычай стал правовым и привел к единообразию правоприменения. «Такому закону свойственна простота и краткость» [18]. Устная форма обычного права не давала возможность точно закрепить то или иное положение, поэтому допускалась вполне свободная интерпретация фактов в устных свидетельствах.

По мнению исследователей, Русская Правда являлась скрепом российской государственности XI–XIV веков и формировала правовые устои русского общества. Русская Правда разошлась по всем российским княжествам и служила свидетельством «... непрерывной преемственности законов, формирования государственного строя и судопроизводства» [15].

Правовая организация периода родового строя играет большую роль в системе развития права в качестве исходного пункта для более высоких по уровню правовых культур [1], именно это обуславливает актуальность исследований памятников права, подобных Русской Правде.

Несколько выходя за рамки темы публикации, остановимся на истории обнаружения текста Русской Правды и связанных с этим вопросах.

Текст Русской Правды, в настоящее время именуемый Академическим списком, обнаружил В.Н. Татищев в 1737 г. в Новгородской летописи младшего извода, датированной 1016 г.

Весь текст Русской Правды В.Н. Татищев разделил на две части. Авторство первой отдал Ярославу, а второй – его сыновьям Всеволоду, Святославу и Изяславу, назвав его Правдой Ярославичей.

Известно более ста списков Русской Правды [21], которые различаются между собой по объему и содержанию, но некоторые из них имеют структурное сходство: Синодальный и Троицкий, Пушкинский и Археографический. Встречаются и существенные различия, которые заключаются в прибавлении или отсутствии тех или других статей. Эти отличия объясняются дальнейшим развитием общественных отношений и необходимостью их законодательного регулирования, для чего в текст Русской Правды вносились изменения и дополнения.

Общее для списков Русской Правды то, что они включались в состав летописей и юридических сборников права, известных как Кормчие и Мерила Праведные. Скорее всего это обусловлено тем, что подлинный, отдельный текст Русской Правды просто не сохранился до наших дней, поскольку «... в тот период времени Русь подвергалась нашествию ... татар, а также других внешних врагов русского народа» [25]. «Древнейшим из ныне известных списков считается Синодальный, который относится к XII в. Несмотря на многообразие списков, можно выделить три основных редакции: Краткая (список Академический), Пространная (списки Синодальный, Троицкий, Карамзинский и др.) и Сокращенная из Пространной (список князя Оболенского)» [4], различие которых заключается в количестве включенных в них статей и порядке их расположения.

По мнению Н.В. Калачова, причиной многочисленности списков Русской Правды была полиэтничность населения, которая требовала учитывать особенности общественных отношений при их регулировании [22]. Не следует забывать об элементах случайности при переписывании текста Русской Правды, например, описках, собственного разумения переписчика и пр. Но, несмотря на имеющиеся противоречия списков «Русской Правды» есть некая их преемственность. Так, Академический являлся основой для Троицкого, а из последнего были сделаны извлечения для следующего, списка князя Оболенского. Согласованность между статьями списков Русской Правды была отмечена Н.В. Калачовым [8]. Несмотря на большое количество вариантов Русской Правды, можно говорить о единстве регламентации судопроизводства.

Повторимся, нормы Русской Правды ценны тем, что именно из этого источника мы получаем сведения о юридическом быте славян, включая судоустройство и судопроизводство. Положения Русской Правды в полной мере не раскрывают организацию и деятельность суда, однако некоторые аспекты в акте отражены. Во-первых, в нормах Русской Правды мы находим сведения о лицах, состоявших на службе у князя и занимавшихся деятельностью, связанной с осуществлением правосудия. В осуществление правосудия, помимо князя, были вовлечены бояре, вирник, дѣтские, мечники, отроки, писцы, ябетники.

Во-вторых, помимо сведений о «должностных лицах» в Русской Правде содержатся сведения о процедуре разрешения спора, в том числе об участии населения в отправлении правосудия.

Изначально в догосударственный период именно община принимала решения по конфликтам, возникающим между общинниками. Нормы Русской Правды закрепили сложившиеся правила участия населения в отправлении правосудия, придав им правовую форму.

В связи с изложенным феномен участия граждан в отправлении правосудия необходимо рассматривать в широком и узком смысле. В широком смысле - это возможность населения принимать участие в отправлении правосудия в различных формах, исключая принятие решений по делам. Оно опосредованно своими действиями влияет на осуществление правосудия.

В узком смысле участие населения в отправлении правосудия заключается в привлечении населения к принятию решения по спорам.

Участие населения в отправлении правосудия в широком смысле следует рассматривать через институты круговой поруки и дикой виры, а также в форме проведения заклича, гонения следа и свода при участии видоков, послухов и поручников. В узком смысле участие населения в отправлении правосудия выражается в привлечении 12 добрых мужей для разрешения спора.

Необходимо отметить, что Русская Правда не разделяла процесс на гражданский или уголовный, процедура разрешения споров была единой. Формы участия населения в отправлении правосудия зависели от особенностей применявшихся процедур, детерминированных совершением противоправного деяния открыто или в условиях «неочевидности».

Если преступление совершалось открыто, при свидетелях, то установление лица не производилось. Процесс начинался иском или поклёпом защищающего своё право. Истец знал лицо, к которому он предъявлял обвинение, в том числе и по делам «...о воровстве, когда он находил украденную у него вещь» [13].

Русская Правда не различает понятий истец и ответчик. Обе стороны именовались истцами, что подчеркивало их равный процессуальный статус и отсутствие каких-либо процессуальных преимуществ [3]. В данном случае процесс сводился к возмещению потерпевшим причинённого вреда и назначению виновному наказания в виде оплаты штрафа, размер которого определялся нормами Русской Правды, исходя из совершенного деяния.

В случае совершения преступления открыто население общины принимало участие в отправлении правосудия в широком смысле этого понятия, через институт круговой поруки и дикой виры. Эти два института регламентировали распределение налагаемой на общину или ее члена ответственности. **Круговая порука** являлась солидарной ответственностью населения общины за действия каждого из её членов. Практика применения круговой поруки в общине известна еще со времён первобытнообщинного строя и служит одной из основ родоплеменных отношений и их важнейшим регулятором (дикой виры) (ст. 4, 8, 15, 16, 24, 84, 99 «Русской Правды по Троицкому списку», ст. 4, 7, 8, 15, 16, 25, 102, 118 «Русской Правды по Карамзинскому списку»). **Дикая, или повальная, вира** – особый вид наказания, применявшийся в Древней Руси. Наказание назначалось при совершении простого убийства, не связанного с разбоем, и состояло в уплате всей общиной штрафа (виры) за своего члена, которого община отказалась выдать.

Если убийца был известен, но вервь (община) не хотела его выдавать, то она имела право платить дикую виру за него, при этом предоставлялась рассрочка платежа [14]. Но членами верви общими силами оплачивались только 40 гривен, а головничество (денежный выкуп, выплачивавшийся убийцей (головником) родственникам убитого) платил непосредственно сам убийца, помимо этого внося свою часть и в оплату вервью 40 гривен. Однако вервь принимала участие в оплате виры только в тех случаях, когда виновный совершал убийство в ссоре (драке) или открыто на пиру (ст. 4 Русской Правды по Троицкому списку, ст. 4 Русской Правды по Карамзинскому списку).

Данный обычай свидетельствует о достаточно прочных связях внутри общины между ее членами, защищающими себя складчиной на непредвиденные случаи, грозящие общине разорением, поскольку 80 гривен являлись достаточно большой суммой, равной стоимости 40 лошадей [2].

Если же кто-либо из членов общины не вносил свою долю в оплату дикой виры, тому остальные члены общины не должны были помогать, и он вынужден был оплачивать виру самостоятельно (ст. 6 Русской Правды по Троицкому списку, ст. 6 Русской Правды по Карамзинскому списку).

Что касается отличия понятий «вира» и «дикая вира», то оно состоит в том, что понятие «вира» употребляется как один из видов наказания, ответственности, а «дикая вира» плата всей общины за её члена [12].

Два взаимосвязанных института дикой виры и круговой поруки являются одновременно мерой наказания и формой участия населения в отправлении правосудия, поскольку община, выплачивая дикую виру, возлагает на себя ответственность за своего члена и совершённые им действия. Тем самым община участвует в разрешении конфликта.

В настоящее время институты дикой виры и круговой поруки не сохранились. Но можно говорить об элементах их проявления, когда идёт речь о взаимной ответственности лиц, например, обычай возложения ответственности за совершение убийства или иного тяжкого преступления не только на лицо, совершившее его, но и на членов рода, в форме кровной мести или выплате отступного семье убитого. Этот обычай имел широкое распространение у народов Северного Кавказа вплоть до 30-х годов XIX в. По данным прокуратуры 80 % тяжких преступлений в Дагестане совершались по мотивам кровной мести, что повлекло необходимость внесения поправок в Уголовный кодекс РСФСР, предусмотревших наказание, включая расстрел, за убийство на почве кровной мести [7].

Солидарная ответственность членов одного и того же клана в виде совместной выплаты компенсаций, штрафов, долгов также была известна калмыцкому народу и описывается в сборнике калмыцких обычаев, опубликованном в 1822 году [10].

Иначе происходило разрешение споров в случае, если деяние совершалось тайно, в условиях неочевидности. В такой ситуации разбирательство начиналось с «заклича на торгу» – объявления о совершившемся преступлении (например, о пропаже имущества) в людном месте, «на торгу».

Сущность «заклича» можно уяснить исходя из норм Русской Правды: «Если челядин скроется (у кого-либо), а (об его пропаже) объявят на торгу и в течение трех дней (после этого) не вернут его (прежнему господину), то, опознав его на третий день, он (т.е. прежний господин) мог взять своего челядина, а тому (т. е. укрывателю) следовало заплатить 3 гривны штрафа»; «Если у кого пропадет конь, оружие или одежда, и (потерпевший об этом) объявит на торгу, то потом, опознав (пропавшее) в своем городе, он может взять свою вещь, имеющуюся налицо, а штрафа заплатит он (т.е. виновный) 3 гривны» (соответственно ст. 32, 34 Троицкий список).

Из анализа данных статей видно, что к закличу прибегали при похищении холопов и вещей (коня, оружия, одежды и т.п.), имеющих определённые индивидуальные признаки. Из положений этих статей видно, что заклич состоял в объявлении о пропаже на торгу. Если по истечении трёх дней после заклича вещь находилась, то лицо, у которого она была найдена, признавалось ответчиком. Последний должен был не только вернуть вещь, но и уплатить 3 гривны штрафа. В Русской Правде не указано, кто непосредственно делал заклич. Большинство учёных (М.Н. Тихомиров, С.В. Юшков и др.) сходятся во мнении, что заклич объявлял непосредственно сам потерпевший. По нашему мнению, это было специально уполномоченное лицо, поскольку за заклич на торгу выплачивался штраф князю – 3 гривны (ст. 32 Русской Правды по Троицкому списку).

Оплата государственной пошлины свидетельствует о том, что определённые действия совершаются уполномоченными лицами. Скорее всего, данная обязан-

ность возлагалась на отрока, который являлся служилым человеком – низшим должностным лицом княжеской администрации, осуществлявшей суд, сбор пошлин, взимание налогов, помощником вирника. Возможно, пошлина взималась за осуществление заклича в специально отведённом месте (на торгу). Вне зависимости от основания выплаты штрафа (за участие должностного лица или в связи с осуществлением заклича на специально отведённом месте) сказанное свидетельствует о том, что происходит институализация начала осуществления преследования, и оно трансформируется из частного в публичное.

Именно через заклич происходит публичное извещение населения о совершённом деянии, призыв общества к оказанию помощи в урегулировании конфликта, а иногда и возложение обязанности на каждого члена общины принять участие в установлении виновного лица, дабы отвести необходимость в оплате всей общиной дикой виры.

Достоверно неизвестно была ли процедура заклича обязательной, однозначного ответа в Русской Правде нет. Некоторые учёные допускают, что процедура заклича не была обязательна [24], но тогда становится непонятным, каким образом происходило извещение населения о произошедшем и каким образом сообщники призывались к разрешению спора. По нашему мнению, в случаях совершения кражи холопов и вещей, обладающих индивидуально-определёнными признаками, процедура объявления заклича являлась обязательной.

Если вора не удавалось обнаружить в течение 3-х дней, то начинался поиск по следу, в ходе которого стороны занимались поиском пропавшей вещи, своего рода сбором доказательств или, выражаясь современным языком, проведением поисковых мероприятий.

По иному обстояли дела в случае совершения убийства и обнаружения следов преступления в какой-либо общине. Статья 3 Русской Правды по Троицкому списку возлагает обязанность на население общины по поиску убийцы: «Если кто по разбойничьи убьёт княжеского мужа, а убийцу (люди) не будут искать, то виру в 80 гривен платит вервь, на земле которой будет найден труп убитого; если же (убитый) простолюдин то 40 гривен».

«Таким образом, фактически на общине лежала обязанность борьбы с преступлениями. При этом существовала ответственность населения за бездействие по отысканию преступника» [20]. Эта фраза, высказанная А.Е. Пресняковым, по своей сути является верной, но слишком прямолинейной.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что в случае совершения убийства процедура проведения заклича не осуществлялась, а поиск преступника производился по следу.

Под **гонением следа** понималось отыскание преступника по его следам и являлось нормативно-закрепленной формой поиска преступника, при которой использовалась помощь жителей общины. Закон предусматривал специальный порядок проведения данного действия. Если след приводил к дому конкретного человека, то он являлся преступником. Если след приводил в общину, то ответственность

за деяние несла община. Если след терялся на большой дороге, поиск преступника прекращался (ст. 77 Русской Правды по Троицкому списку).

Большинство исследователей справедливо связывают «гонение следа» с судебно-административными обязанностями общины, с ее круговой порукой [19], то есть с ответственностью всей общины за деяния, совершённые её членом, или же в случае обнаружения следов преступления на её территории, а также обязанностью по отысканию преступника.

Вопрос о том, кто именно занимался поиском преступника, положениями Русской Правды не раскрывается. В литературе высказываются две точки зрения относительно данного вопроса.

По мнению одних авторов, розыск преступника в X–XII вв. осуществлялся в частном порядке с привлечением населения общины, а специальные лица – представители государства, наделенные полномочиями вести розыск преступников, появились в более поздний период, а именно – в XIII–XV вв. [11]. Ввиду отсутствия специальных органов и лиц «гонение следа» осуществляли потерпевшие, их близкие, члены общины и добровольцы. Поскольку по своему содержанию «гонение следа» представляет собой частную поисковую деятельность (индивидуальную, коллективную), побудительными мотивами которой выступает материальная заинтересованность субъекта (частного лица – потерпевшего, коллектива – сельской общины) [16]. В основе проведения процедуры «гонения следа» лежала закреплённая законом круговая порука, возлагавшая на членов общины определенные обязанности.

Другие исследователи считают, что не позже начала XI в. появились лица, занимающие особые государственные должности, такие, как вирник¹, мечник² и емец³, наделённые полномочиями по розыску преступников [5]. Об этом свидетельствуют и положения Русской Правды, закрепляющие полномочия указанных лиц (ст. 1, 32, 41, 42 Русской Правды по Академическому списку, ст. 1, 7, 8, 82 Русской Правды по Троицкому списку, ст. 1, 7, 8, 100 Русской Правды по Карамзинскому списку). По нашему мнению, можно говорить о зарождении государственного судебного аппарата, с одной стороны, и существовании со времен первобытнообщинного строя обычая коллективного (внутриобщинного) урегулирования конфликтов – с другой.

Свод напоминает собой очную ставку. Для потерпевшего значение свода стояло в отыскании вора [25], которое происходило при участии населения общины. Свод проводился после обнаружения утраченного имущества у какого-нибудь человека. Если человек не сознавался в краже, а заверял, что купил, обменял и т.п. найденную у него чужую вещь, тогда начинался процесс свода. Владелец имущества должен был доказать добросовестность приобретения данной вещи: указать лицо, у которого он ее приобрел. Для этого требовались показания двух

¹ Вирник – сборщик вир, т. е. денежных штрафов в пользу князя за убийство свободного человека. Высказывается предположение, что вирник не только взыскивал виры, но и осуществлял розыск преступников.

² Мечник – дружинник князя, судебный служитель.

³ Емец – поимщик вора, тот, кто поймал вора или изъясил украденное.

свидетелей или мытника – сборщика торговых пошлин (ст. 35–39 Русской Правды по Троицкому списку).

Профессор М.А. Чельцов-Бебутов характеризовал свод и гонение следа как способы коллективной самопомощи соседских общин, поскольку эти мероприятия требовали участия большого числа лиц, близких к потерпевшему. В качестве существенных недостатков этих процедур он указывал на отсутствие органа публичного преследования, что вызывало нарекания; большое количество нераскрытых преступлений; возбуждение обвинений без достаточных оснований и распространение договорных форм решения споров [23].

С этим мнением можно согласиться только отчасти, утверждение о наличии множества нераскрытых преступлений достаточно спорно, его сложно подтвердить или опровергнуть в силу давности событий и отсутствия какой-либо статистики. Кроме того, возможность заключения сделки между сторонами для разрешения спора нельзя считать недостатком действовавшей правовой системы. Данное обстоятельство следует расценивать как положительную составляющую судопроизводства, поскольку урегулирование спора мирным путем ведет к укреплению взаимоотношений внутри общины и за её пределами.

При проведении свода для разрешения спора участники процесса были вправе привлекать население общины, которое свидетельствовало о том или ином факте, подтверждало то или иное обстоятельство. Представители общины могли выступать в статусе видока, поручника и послуха.

Видок и послух – это, вероятно, свидетели⁴. На это указывает ст. 2 Русской Правды по Академическому списку: «Если кто будет избит до крови или до синяков, то ему не надо искать свидетеля, если же не будет на нем никаких следов (побоев), то пусть приведет свидетеля, а если он не может (привести свидетеля), то делу конец», а также норма ст. 28: «Если придет муж в крови или в синяках, то ему не надо искать свидетеля».

Положения Русской Правды не дают чёткого разграничения данных понятий. Использование терминов «послух» и «видок» не упорядочено в Русской Правде [6]. Мытника и свидетеля совершения сделки ст. 32 Русской Правды по Троицкому списку называет видоком, в свою очередь ст. 35, 43, 44, 45, 46, 47 и 102 аналогичных свидетелей именуют послухами. Но, исходя из анализа норм, можно утверждать, что Русская Правда разделяла свидетелей на два вида: непосредственный очевидец произошедшего и лица, на чьи показания ссылаются стороны для подтверждения своего «доброго имени» и порядочности. Привлечение к участию в разрешении спора лица, свидетельствующего о фактических обстоятельствах, это отражение усложнения общественных отношений и проявления публичного характера принятия решений судом. Привлечение послуха, свидетельствующего вслед за истцом или ответчиком, подтверждающего данные ими показания, по своей сути, призвано подтвердить невозможность поклепа со стороны истца либо невозможность совершения противоправного деяния ответчиком и является данью

⁴ Данное деление свидетелей было отменено принятием Судебника 1497 года, когда всех свидетелей стали называть послухами.

издревле сложившегося обычая [3]. При этом особое значение имела их «добрая слава», положение в обществе. Послухами могли быть только свободные люди, за исключением дел, рассматриваемых в отношении холопов (ст. 59 Русской Правды по Троицкому списку).

Исходя из смысла ст. 70 Русской Правды по Троицкому списку можно предположить, что послухи привлекались так же, как понятые, подтверждавшие совершение какого-либо процессуального действия («... а след гнать с чужими людьми и с послухами...»).

Поручниками называли поручителей, их положение схоже с послухом. Для определения положения поручника необходимо произвести анализ ст. 13 и 14 Русской Правды по Академическому списку, которые содержат нормы, определяющие порядок изъятия собственником своей вещи у владельца. К помощи поручников прибегали тогда, когда чужая вещь находилась у добросовестного владельца, то для обеспечения интересов истца ответчик должен был выставить поручника, который бы подтвердил, что последний явится добровольно на свод для урегулирования спора. В случае если изъятие вещи проходило у недобросовестного владельца, то помощи поручника не требовалось.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что формы участия населения в отправлении правосудия зависели от того, как было совершено противоправное деяние (в условиях очевидности или неочевидности), что влияло на определение применявшихся процедур (заклич, гонение следа и свод), и каким образом представители общины будут содействовать разрешению конфликтов.

В Русской Правде содержится несколько форм участия населения в отправлении правосудия. Некоторые из них – дань обычаям (круговая порука, вира), некоторые – отражение особенностей общинного быта (послухи), другие – свидетельство институализации судеустройства и судопроизводства (видок, поручник). Все перечисленные формы участия населения в отправлении правосудия относятся к его пониманию в широком смысле. Есть и квазиформа, коренящаяся в общинном быте и приобретающая в древнеславянских княжествах самостоятельное, надобщинное значение, которое постепенно трансформировалось в участие населения в отправлении правосудия в узком смысле слова. Это суд 12 мужей по особо запутанным делам, когда спорщики не могли достичь согласия при проведении свода и избрали из своей среды 12 человек, которые разрешали дела, руководствуясь обычаем, житейской мудростью и здравым смыслом (ст. 14 Русской Правды по Академическому списку). Некий прообраз суда с участием присяжных заседателей.

-
1. Аннерс Э. История европейского права [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=119>
 2. Аристов Н.Я. Промышленность Древней Руси. М.: Либроком, 2011. С. 279–308.
 3. Верещагина А.В. Становление и развитие уголовной юстиции России: дореволюционный период: монография. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2009. С. 21.

4. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. С. 120–121.
5. Власов В.И., Тонгаров Н.Ф. Организация розыска преступников в России в IX–XX веках (историко-правовое исследование): в 2 ч. Домодедово, 1997. Ч. 1. С. 9-10.
6. Мулукаев Р., Полубинский Р. Сказ о сыске // Советская милиция. 1990. № 2. С. 70.
7. Дювернуа Н.Л. Источники права и суда в древней России. Опыты по истории русского гражданского права. М.: Юрайт, 2018. С. 132.
8. Историко-культурные традиции народов Северного Кавказа / под ред. В. А. Тишкова. М.: ИЭА РАН. С. 78–80.
9. Калачов Н. В. Текст Русской Правды на основании четырех списков разных редакций. 4-е изд. (без перемен). М., 1889. С. 53.
10. Ключевский В.О. Курс русской истории. М.: ОЛМА–ПРЕСС Образование, 2005. С. 114.
11. Ковалевский М.М. Клан у аборигенных племен России / пер. с фр. Д.В. Миронова // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 136.
12. Крылов И.Ф., Бастрыкин А.И. Розыск, дознание, следствие. Л., 1984. С. 87.
13. Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860. С. 111.
14. Линовский В.А. Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России. М.: ЛексЭст, 2001. С. 8.
15. Лоба В.Е., Малахов С.Н. Уголовное право Древней Руси XI–XII (по данным Русской Правды): монография. Армивир: РИО АГПА, 2011. С. 98.
16. Материалы совместного заседания Президиума Совета Российского исторического общества и Бюро Президиума Ассоциации юристов России, посвященной тысячелетию «Русской Правды» от 12 мая 2016 года // Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/news/detail/128206>.
17. Матиенко Т.Л. Генезис сыска в России (IX–XII вв.): «заклич», «свод», «гонение следа» // Журнал российского права. 2009. № 9 (153). С. 104–113.
18. Петров И.В. Государство и право Древней Руси (750–980 годы). СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2003. С. 228.
19. Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. М., 1846. Т. 3. С. 371.
20. Попов А. Русская Правда в отношении к уголовному процессу. М., 1841.
21. Ефименко А.Я. Южная Русь: Очерки, исследования, заметки. СПб., 1905.
22. Гейман В.Г. «Сочинение следа» в Белозерском уезде XVII в. // Вопросы экономики и классовых отношений в Русском государстве XII–XVII вв. М.-Л., 1960.
23. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. С. 430–431.
24. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М.: Юридическая литература, 1988. С. 83.
25. Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. М.-Л.: Академия наук СССР, 1941. С. 78.
26. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб.: Равена, Альфа, 1995. С. 410–412.
27. Юшков С.В. История государства и права России (IX–XIX вв.). Ростов-н/Д., 2003. С. 73.

28. Юшков С.В. Курс истории государства и права СССР [Электронный ресурс] // Общественно политический строй и право Киевского государства. URL: <http://knigi.link/gosudarstva-prava-istoriya/russkaya-pravda-sbornikah-4447.html>.

Транслитерация

1. Anners E. Istoriya evropeiskogo prava. URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=119>
2. Aristov N.Ya. Promyshlennost' Drevnei Rusi. M.:Librokom, 2011. P. 279–308.
3. Vereshchagina A.V. Stanovlenie i razvitie ugolovnoi yustitsii Rossii: dorevolyutsionnyi period: minografiya. Vladivostok: Izd-vo VGUES, 2009. P. 21.
4. Vladimirovskii-Budanov M.F. Obzor istorii russkogo prava. M.: Territoriya budushchego, 2005. P. 120–121.
5. Vlasov V. I., Tongarov N. F, Organizatsiya rozyska prestupnikov v Rossii v IX–XX vekakh (istoriko-pravovoe issledovanie): v 2 chastyakh. Domodedovo, 1997. Ch. 1. P. 9–10; Mulukaev R., Polubinskii R. Skaz o syske // Sovetskaya militsiya. 1990. No 2. P. 70.
6. Dyubernua N.L. Istochniki prava i suda v drevnei Rossii. Opyty po istorii russkogo grazhdanskogo prava. M.: Yurait, 2018. P. 132.
7. Istoriko-kul'turnye traditsii narodov Severnogo Kavkaza / pod red. V. A. Tishkova. M.: IEA RAN. P. 78–80.
8. Kalachov N. V. Tekst Russkoi Pravdy na osnovanii chetyrekh spiskov raznykh redaktsii / izd. 4-e (bez peremen). M., 1889. P. 53.
9. Klyuchevskii V.O. Kurs russkoi istorii. M.: OLMA–PRESS Obrazovanie, 2005. P. 114.
10. Kovalevskii, M. M. Klan u aborigennykh plemen Rossii / per. s fr. D.V. Mironova // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2002. No 5. P. 136.
11. Krylov I.F., Bastrykin A.I. Rozysk, doznanie, sledstvie. L., 1984. P. 87.
12. Lange N. Issledovanie ob ugolovnom prave Russkoi Pravdy. SPb, 1860. P. 111.
13. Linovskii V. A. Opyt istoricheskikh rozyskanii o sledstvennom ugolovnom sudoproizvodstve v Rossii. M.: LeksEst, 2001. P. 8.
14. Loba V.E., Malakhov S.N. Ugolovnoe pravo Drevnei Rusi XI–XII (po dannym Russkoi Pravdy): monografiya. Armivir: RIO AGPA, 2011. P. 98.
15. Materialy sovместnogo zasedaniya Prezidiuma Soveta Rossiiskogo istoricheskogo obshchestva i Byuro Prezidiuma Assotsiatsii yuristov Rossii, posvyashchenoi tysyacheletiyu «Russkoi Pravdy» ot 12 maya 2016 goda // Parlamentskaya gazeta. URL: <https://www.pnp.ru/news/detail/128206>.
16. Matienko T.L. Genezis syska v Rossii (IX–XII vv.): «zaklich», «svod», «gonenie sleda», *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2009, No 9 (153), P. 104–113.
17. Petrov I.V. Gosudarstvo i pravo Drevnei Rusi (750–980 gody). SPb.: Izd-vo Mikhailova V. A., 2003. P. 228.
18. Pogodin M.P. Issledovaniya, zamechaniya i lektsii o russkoi istorii. T. 3. M., 1846. P. 371.
19. Popov A. Russkaya Pravda v otnoshenii k ugolovnomu protsessu. M., 1841; Lange N.I. Ukaz soch.; Efimenko A.Ya. Yuzhnaya Rus': Ocherki, issledovaniya, zametki. SPb., 1905; Geiman V.G. «Sochenie sleda» v Belozerskom uезде XVII v., *Voprosy ekonomiki i klassovykh otnoshenii v Russkom gosudarstve XII–XVII vv.* M.-L., 1960; Chel'tsov-Bebutov M.A. Ukaz soch. i dr.
20. Presnyakov A.E. Knyazhoe pravo v drevnei Rusi. Lektzii po russkoi istorii. Kievskaya Rus'. M., 1993. P. 430–431.

21. Sverdlov M.B. Ot Zakona Russkogo k Russkoi Pravde. Moskva., Yuridicheskaya literatura, 1988. P. 83.
22. Tikhomirov M.N. Issledovanie o Russkoi pravde. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1941. P. 78.
23. Chel'tsov-Bebutov M. A. Kurs ugolovno-protsessual'nogo prava. Ocherki po istorii suda i ugolovnogo protsessa v rabovladel'cheskikh, feodal'nykh i burzhuaznykh gosudarstvakh. SPb.: Ravena, Al'fa, 1995. P. 410–412.
24. Yushkov C.B. Istoriya gosudarstva i prava Rossii (IX–XIX vv). Rostov-na-Donu, 2003. P. 73.
25. Yushkov S.V. Kurs istorii gosudarstva i prava SSSR / Obshchestvenno politicheskii stroi i pravo Kievskogo gosudarstva. URL: <http://knigi.link/gosudarstva-prava-istoriya/russkaya-pravda-sbornikah-4447.html>.

© М.Е. Омеляненко, 2018.

Для цитирования: Омеляненко М.Е. Участие населения в отправлении правосудия по Русской Правде // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. №3. С. 151–162.

For citation: Omelyanenko M.E. Participation of the population in the administration of justice in the Russian Truth, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2018, Vol. 10, No 3, pp. 151–162.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2018-3/151-162

Дата поступления: 18.08.2018.